

Литтмегалина

ОСТРЫЕ КАМНИ

18+

Страна Богов

Литтмегалина
Острые камни

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Литтмегалина

Острые камни / Литтмегалина — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Страна Богов)

Завербованный в некую организацию под названием «Серебряная Лисица», занимающуюся расследованием убийств, Илия приступает к работе в архиве. Исследуя материалы, он приходит к выводу, что в действительности цель организации совсем другая — игнорируя все доказательства вины и подчищая документы, СЛ отпускает преступников на свободу. Его внимание привлекает давний случай убийства девочкой-подростком своей одноклассницы. Пытаясь докопаться до правды, он начинает расследование, по итогам которого многое узнает о «Серебряной Лисице», своей стране и самом себе.

Содержание

***	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Литтмегалина

Острые камни

Или́я проснулся до звонка будильника, ощущая, как солнечный луч пригревает щеку. Июль – хороший месяц. Лето всегда приносило ожидание приключений, и Или́я не сомневался: что-то интересное обязательно произойдет. Он сел на постели и потянулся, чувствуя легкость и бодрость в теле. Выпил стакан воды со столика возле кровати, поднялся и прошел в ванную.

Из зеркала над раковиной на него посмотрело молодое симпатичное лицо с большими оранжево-кари́ми глазами. Рыжие волосы после сна топорщились во все стороны. Или́я побрызгал на них водой и взял расческу.

Через десять минут, одетый в джинсы и футболку освежающего салатного цвета, он уже энергично шагал по улице, дожевывая на ходу бутерброд. Небо над ним было почти истерически-синее. Уже с утра повисла потогонная жара, но Или́я был не из тех, кого напрягает погода. Его вообще мало что в мире напрягало. Разве только обшарпанный подвал, в котором он проводил минимум восемь часов в день. И «Вертушка». Сегодня должны быть объявлены результаты. Как только он подумал об этом, беспокойство начало ввинчиваться в мозг маленьким жужжащим буравчиком. Или́я сделал вид, что выхватывает что-то из воздуха и швыряет, символически отбрасывая от себя тревогу. Голуби решили, что он бросил что-то съестное, и стаей слетелись к нему под ноги. Или́я отдал им остатки бутерброда.

Он вошел в Парк Исчезающих Теней. Он часто слышал, что это место вызывает у людей беспокойство, как будто его густые заросли скрывают в себе неведомую опасность. Говорили даже, что на заросших тропинках иногда встречаются привидения. Но сам Или́я ничего подобного не ощущал и не видел.

Он нырнул в заросли кустарника, прокладывая дорогу там, где ее нет, и спустился к берегу реки. Или́я приходил к реке каждое утро, в любую погоду. Если он чувствовал, что настроение по каким-то причинам менее радужное, чем обычно, близость воды позволяла ему взбодриться.

Отражая небо, Нарву́ла, обычно серо-сизая, казалась голубой. Скользя подошвами кед по круглой гальке, устилающей берег, Или́я пошел вдоль воды. Чайки вели охоту с утра пораньше. Паря над водой в поисках добычи, они казались ленивыми и сонными, но, завидев цель, пикировали со стремительностью падающего камня. Перо чайки спланировало к его ногам. Или́я поднял его. Оно было белое, как облачко, и отливало перламутром. Чтобы не потерять и не смять, Или́я сунул перо за ухо.

Он дошел до пристани, взбежал по лестнице и вскоре вышел к довольно узкой аллее, неизменно наводящей его на мысль о переходе в другой мир. Кремово-белое здание «Серебряной Лисицы» как будто пряталось в конце ее. Иногда у него создавалось ощущение, что все эти тополя и клены были высажены, чтобы скрыть здание от ненужных взглядов. Кто и зачем решил это сделать много-много лет назад? Не понимал он и смысла названия. «Серебряная Лисица». Оно вызывало у него образ призрачного животного, мелькнувшего на предрасветной лесной поляне. Не слишком ли романтическое название для всего-то вспомогательного отдела полиции? Хотя он до сих пор не очень понимал сферу деятельности СЛ, проработав в ней полтора года. И это его беспокоило. Чуть-чуть.

Его походка оставалась легкой и быстрой, но сердце, казалось, тяжелело с каждым шагом, приближающим к зданию с обсыпающейся штукатуркой. Подавив вздох, Или́я вошел внутрь и предоставил документы на проверку. Перетерпев обычный осмотр на предмет соответствия лица и фотографии в пропуске, он продолжил путь по наполняющемуся людьми коридору с потертым паркетом до решетчатой двери на лестницу.

Проклятая лампочка на лестнице опять перегорела. Аккуратно ступая в темноте, Илия спустился к двери в подвал. На ощупь нашел замочную скважину и выключатель. Все тот же раздражающий глаза дрожащий тускло-голубой свет. Все тот же налитанный пылью затхлый воздух. Все те же захламляющие стол стопки бумаг и мрачный лабиринт из набитых папками стеллажей.

Когда Илия впервые оказался в этом месте, он усомнился, что выдержит день до вечера. Хотя выбора у него не было – только терпеть. Он был в подвешенном состоянии, потому что провалил «Вертушку» – неожиданный результат даже для начальства. Ему позволили передать ее через три месяца. А до завершения срока ожидания, просто чтобы куда-то его пристроить, попросили помочь архивариусу. Илия уже даже не помнил, как звали архивариуса, потому что тот уволился, едва у Илии начало хоть что-то получаться. То есть почти сразу. Илия не винил его.

Половина ламп не горела, придавая и без того невеселому помещению дополнительное сходство с подземельем. Илия не любил темных замкнутых пространств. По правде, он едва их переносил. В своей съемной квартирке он даже занавески снял с окон, чтобы не преграждали путь солнечному свету.

Он прошел за стеллажи к маленькой двери в проявочную. Нагнулся в проеме, не рассчитав на его высокий рост. Щелкнул переключателем и в залившем камеру красном свете увидел привычные вещи, оставленные вчера вечером в легком беспорядке. Рулоны проявленной пленки, свисающие с бельевых веревок, увеличитель, кюветы... И готовые фотографии, для просушки разложенные на газетах.

Илия начал складывать фотографии в оранжевый конверт: беспалую руку, затем отсеченные пальцы – каждый на отдельном фото, один снят дважды – с кольцом и без. Кольцо было тонкое, женское, как и сам палец. Все последнее фото занимало ухо. Илия неодобрительно отметил высокую степень зернистости из-за увеличения. Наверное, это и есть профессиональная деформация: когда ты смотришь на фотографию с отрезанным ухом и размышляешь о зернистости. Если бы раньше Илии сказали, что у него будет такая работа, он бы решил, что свихнется на ней. Но на деле он быстро привык. Ко всему, кроме подвала.

Конечно, их привлекла не его осведомленность в фотографическом деле. И не его сомнительный талант рисовать персики и розы. Он также хорошо бегал и отлично плавал. Однажды после местного соревнования по плаванию к нему подошли некие маловыразительные люди с весьма невнятным, но захватывающим предложением о работе. Может быть, они использовали тайные психологические техники. Или же он просто не был рожден для фотографии и живописи. Но, впервые в жизни проигнорировав настояния матери, Илия бросил университет на четвертом курсе.

С тех пор он не нарисовал ни одной картины; фотоаппарат пылился где-то в квартире родителей. И все ради того, чтобы в итоге зависнуть в проклятом архиве. «Спокойно», – сказал он себе. Не стоит погружаться в негатив. Уже сегодня все может перемениться, и он наконец займется настоящим делом.

Илия запечатал конверт и отнес заказчику. Вернувшись, он обнаружил втиснутую между дверью и проемом записку, которая упала на пол, когда он вошел: «Поднимись к М. Лиза». В ушах загромыхал пульс. Сунув в карман скомканную записку, Илия отправился к начальнику на третий этаж.

В секретарской Лиза прижала палец к губам и указала на кресло. Илия сел, вдруг забывая, зачем пришел. Из-за двери доносился сердитый громоподобный голос Медведя, но тяжелая дверь не позволяла четко разобрать слова. Полностью сосредоточившись на подслушивании, Лиза подарила Илии возможность пялиться на нее без опаски.

Ему случалось видеть девушек и покрасивее, но таких хорошеньких – никогда. Вроде бы обычная девушка: миниатюрная, округлая в нужных местах, с большими прозрачными серо-

зелеными глазами, пухлой нижней губой и светло-рыжими, почти блондинистыми волосами ниже плеч, завивающимися в мягкие кольца. Но каждый раз Илия пожирал ее глазами. Лиза наводила его на мысль о гармонии. Все в ней было на правильном месте – каждая черточка именно такая, как должно. Она пользовалась минимумом косметики, носила закрытые блузки в цветочек и юбки до колена и едва ли замечала, как поворачиваются головы ей вслед. Невинный вид Лизы в сочетании с лавиной похотливых мыслей, погребаящих Илию рядом с ней, заставлял его испытывать муки совести.

– Чаю? – автоматически предложила Лиза, продолжая прислушиваться к выкрикам из-за двери.

– Нет, спасибо.

«Спасибо. Чаю? Кофе? Доброе утро. До свидания». Больше они друг другу никогда ничего не говорили. С ней хорошо развитые коммуникативные навыки Илии куда-то испарялись.

– У него Дьобулус, – прошептала Лиза. – Когда он приходит, всегда скандал.

– Серьезно? – спросил Илия, просто потому, что не придумал, что ответить.

Это было что-то новое. Глядишь, через каких-нибудь десять лет Илия даже сможет обсудить с ней в кафетерии погоду. С уха Лизы свисала длинная сережка из кристалльных бусин. Ему отчетливо представилось, как он засовывает язык в это маленькое ушко. Он поерзал, положил ногу на ногу и скрестил руки на груди.

Дверь раскрылась, и в секретарскую выплыл Дьобулус. Его красно-рыжие волосы заметно отросли с тех пор, как Илия видел его в последний раз, и, выбиваясь из хвоста, свисали вдоль лица романтичными локонами. Дьобулус был одет в сильно обтягивающую футболку с розовыми тигровыми полосками и обвешанные цепочками кожаные штаны, которые в такую погоду должны были уже приплавиться к его ляжкам. В этот раз, по крайней мере, никаких болтов, продетых в мочки ушей. На лице Дьобулуса, как обычно, сияла широкая улыбка, полная издевательской жизнерадостности. Репутация в СЛ у него была отвратительная, хотя никто так и не удосужился объяснить Илии, почему. Может, они и сами не знали, в чем тут дело. У Илии Дьобулус вызывал тревожное чувство. Он выглядел ровесником Илии, но что-то в его глазах выдавало человека как минимум вдвое старше.

– Привет, – протянул Дьобулус, окидывая Лизу неторопливым раздевающим взглядом. Лиза очаровательно улыбнулась и помахала ему рукой.

Развернувшись к Илии, Дьобулус подверг его тому же унижительному осмотру, вызывая ощущение, будто под одеждой забегали насекомые. Илия не сомневался, что Дьобулус каждый раз проделывает этот трюк с единственной целью – поиграть у него на нервах, и именно поэтому поздоровался подчеркнуто вежливо, будто Дьобулус его вовсе не раздражал.

– Я скажу про тебя, – поднялась Лиза, когда задница Дьобулуса, обтянутая вишневого цвета штанами, скрылась за дверью в коридор. Проходя мимо, она выдернула из-за уха Илии перо. – Уличные птицы переносят много всякой инфекции. Тебе стоило бы знать.

– Войди, – рявкнул Медведь через минуту.

После беседы с Дьобулусом начальник выглядел таким измочаленным, как будто ему пришлось принять роды в такси: лицо покраснело, седая борода всклочена. Расстегнутая на две пуговицы рубашка приоткрывала могучую грудь с выступившими каплями пота. Скомканный (видимо, в состоянии крайнего раздражения) пиджак свисал со спинки кресла.

Медведь был хорошим начальником, обычно по-отечески великодушным, но иногда возникал риск попасться ему под горячую руку, и тогда все ходили на цыпочках, кроме Лизы, которая никогда от него не получала.

– Чего тебе? Результаты? Ты провалил. Пиши прошение о пересдаче. А лучше не пиши. Если тебе нужно подтверждение провала в письменном виде, попроси Лизу распечатать. Свободен.

Попрощавшись механическим голосом, Илия вышел из кабинета Медведя и побрел в свой. Это было так плохо, что он не мог поверить. Если бы его кто-то остановил в тот момент, он бы просто начал кричать.

– Уволюсь, – пробормотал он в сердцах, хотя знал, что этого не сделает. Проблема в том, что с такой же силой, с какой его отвращал подвал, его притягивала «Серебряная Лисица» в целом.

Он надеялся, что, оказавшись в уединенности своего подземелья, сможет успокоиться. Но ненавистные затхлость и темнота только взвинтили его чувства. Провалил. Опять. И более странные люди сдавали «Вертушку» без проблем. Делеф, например. Вот уж с кем точно что-то не так. Илия начал злиться. Все, что стоит непреодолимой стеной между ним и столь желанной должностью управомоченного, – паршивый психологический тест. Илия ответственный. Разумный. Сдержанный. Что им в принципе может в нем не нравиться? Может, это какая-то ошибка? («Ага, четыре раза»). Он должен разобраться.

Вылетев из кабинета, Илия взмахнул по лестнице и пружинистым от гнева шагом рванул через длинный коридор на второй этаж. Он подергал за дверь, табличка на которой лаконично извещала: «Психиатр». Никого нет. Илия спринтанул к комнате отдыха, судорожно пытаясь припомнить имя. Октавиус, кажется. Невыразительный тип. Не найдя Октавиуса и там, Илия спустился в кафетерий и сразу нащупал взглядом искомого, стоящего у чайника с чашкой в руке.

– Никаких пояснений, – категорично заявил Октавиус, кинув на Илию короткий безразличный взгляд. – Я пью чай, – прервал он попытку Илии открыть рот и начал заливать кипятком в чашку. На его невозмутимой физиономии не дрогнул ни один мускул, как будто вся карьера Илии не рушилась по его решению.

С беспомощной яростью Илия пронаблюдал, как Октавиус проходит среди столиков к свободному месту рядом с Дьобулосом. Тот сидел, развалившись на стуле, и курил, хотя курение в кафетерии было запрещено. Октавиус отпил несколько глотков, игнорируя пронзающий до костей взгляд Илии, потом все-таки встал и подошел к нему, не выпуская из рук чашку.

– Эй, парень, я не знаю, который ты из списка, но если я не дал тебе добро, у меня были на то веские основания. Просто прими это.

– Я хочу знать, почему.

– Никаких пояснений, – закончил Октавиус той же фразой, какой начал, и вернулся к Дьобулусу.

Никогда в жизни Илия не был настолько близок к тому, чтобы наброситься на кого-то с кулаками. Вместо этого он резко развернулся и ушел к себе.

У решетчатой двери перед лестницей в подвал он обнаружил Лизу. Илия моргнул. Лиза никуда не исчезла.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Нет. Я просто пришла поговорить. Ты ушел от Медведя таким расстроенным.

– Спускайся. Только очень осторожно.

Илия отпер дверь в архив и, слегка огорошенный, предложил Лизе войти. Проигнорировав свободный стул, Лиза присела на край стола, сдвинув бумаги.

– Не обращай внимания на старикана. На него иногда находит. Это Дьобулус его накрутил.

– Я завалил «Вертушку» в четвертый раз.

– Это психологический тест для кандидатов в управомоченные?

– Да.

– Его так сложно пройти?

– Там тысяча или несколько тысяч вопросов, я не знаю. У тебя есть четыре часа, чтобы ответить на них «да/нет». При этом времени и на одно только чтение едва хватает. Если хотя

бы один вопрос останется без ответа, тест провален. Вопросы часто повторяются. Некоторые выглядят бессмысленными, например: «Наступаете ли вы на канализационные люки?» или «Угнетает ли вас темно-синий цвет?» Тест проходится в такой нервотрепке и спешке, что после действительно хочется блевать. Поэтому его и прозвали «Вертушкой».

– Когда ты сможешь повторить?

– Через год. Каждой следующей передаче приходится ждать на три месяца дольше, чем предыдущей, – Илия устало потер виски. – Я прошел их медицинское освидетельствование. Сдал все их нормативы. Но что делать вот с этим, я не знаю.

– Что тебя не устраивает в твоей текущей работе?

– Все, – отрезал Илия. – Я способен на большее, чем перебирать бумажки.

– Ты не просто перебираешь бумажки, – не согласилась Лиза. – Ты обрабатываешь информацию. Для этого нужны мозги. Медведь говорит, у тебя хорошие аналитические способности.

– О, – Илия попытался не показать вида, что доволен похвалой сурового начальника. – То, что я тут наанализировал, мне совсем не нравится.

– О чем это ты? – Лиза заинтересованно подалась вперед.

– Неважно, – Илия прикусил губу.

Лиза потянула его за руку.

– Я теперь от тебя не отстану. Выкладывай.

То ли дело было в ее просящих глазах, то ли в ее прикосновении, посылающем электрические разряды, то ли Илия был уже слишком на взводе, чтобы продолжать скрывать то, что не давало ему покоя на протяжении долгих месяцев.

– Ты задумывалась, чем они вообще тут занимаются? – спросил он, приглушив голос.

– Ну, СЛ же помогает полиции, разве нет? В делах, требующих дополнительной экспертизы.

– Нет, чем на самом деле занимаются управомоченные? В практическом смысле?

– Они выезжают на места преступлений. Проводят расследование...

– Почему полиция не расследует?

– Видимо, это какие-то особенные дела.

– В чем особенные?

– Я не знаю, – Лиза покачала головой и замкнула круг: – Наверное, требующие дополнительной экспертизы.

Илия покачал головой. Он понимал, что должен остановиться, но не мог. Может быть, он просто хотел еще немного побыть с Лизой наедине.

– Что, если я тебе скажу, что практически все дела, которые я вижу в архиве, шиты белыми нитками? Они не нуждаются ни в какой «дополнительной экспертизе». Улики прямо указывают на обвиняемого. И его оправдывают в большинстве случаев.

– Это звучит как абсурд. Никто не будет создавать государственный орган с целью оправдания преступников. Я понимаю, что не все виноватые получают наказание, особенно если они богаты и влиятельны. Но не будет же этим заниматься специальная организация.

– Но занимается. И мы с тобой в ней работаем.

– Такого не может быть, – не согласилась Лиза. – Бессмыслица.

– Смысл наверняка есть. Просто от нас скрывают какую-то тайну. Я тебе больше скажу. Обвиняемые не попадают под обычные суды. Их дела полностью ведет СЛ, включая вынесение вердикта. Если вердикт оправдательный, дела подчищаются, документы частично изымаются, пишется заключение, максимально отводящее вину. Например, убийство выдается за несчастный случай.

– Это звучит крайне странно. У меня нет идей, зачем кому-то понадобилось такое делать. Ты уверен, что правильно все понял?

– В делах куча упорно игнорирующихся несостыковок. Слишком много, чтобы отнести на счет непрофессионализма ведущих следствие. Как это еще толковать? – рассказывая обо всем, Илия почувствовал, что у него ускоряется пульс. Он подписывал бумаги о неразглашении информации и знал, что в случае несоблюдения ему грозит уголовный срок. Раньше осознание вероятных последствий гасило его желание поделиться наблюдениями с коллегами. Однако с Лизой он поддался иррациональному и безрассудному чувству, будто с ней ему можно обсуждать что угодно. Это было неумно. В сущности, он ничего не знал о ней, кроме того, что она очень привлекательная девушка, рядом с которой он не может дышать ровно.

– Например, какие несостыковки? – как и он, Лиза перешла на шепот.

– Да вот, например, – Илия порылся в папках на столе. – Две школьницы после учебы пошли погулять на озеро Ржавое в городке Риндарин. Одна утонула. Заключение – несчастный случай вследствие алкогольного опьянения. Причем оправданная – дочь портнихи. Явно не попадает под категорию богатых и влиятельных.

– На первый взгляд, ничего необычного.

– А после второго и третьего уже глазам своим не веришь. Начнем с самого невероятного. Моя прабабушка жила в этом городке. Озеро Ржавое, может быть, когда-то и было озером, но от озера остались только название и котловина, наполняющаяся водой при таянии снега и дождях. В детстве моя мать, приезжая к бабушке, играла там в кораблики.

– Пьяный может и в луже утонуть.

– Здесь тоже есть настораживающий момент. Сложно сказать, насколько пьяна была утонувшая. В деле ссылаются на гемоделицию, мешающую установить степень опьянения, хотя факт употребления алкоголя признан доказанным.

– Что такое гемоделиция?

– Разведение крови водой. Это якобы делает невозможным определение точной концентрации алкоголя в крови на момент утопления. Я не знаю, так ли это на самом деле. Я не судебный медик. Но! Вторая девочка, поначалу сбежавшая с места происшествия, через несколько часов позвонила в полицию и сообщила о несчастном случае. Тем же вечером ее кровь тоже протестировали на алкоголь, установив, что его количество практически на нулевой отметке. Если немного посчитать и учесть, что все случилось в середине дня, она едва ли выпила больше бутылки пива.

– То есть что, получается, она, практически трезвая, стояла и смотрела, как ее пьяная подруга тонет в луже?

– Не просто стояла и смотрела. Посмотри на это, – Илия вытянул из папки несколько фотографий.

Лиза, не дрогнув, поднесла фотографии к лицу. Стройное подростковое тело, вытянутое на берегу. Затем оно же, обнаженное, на секционном столе, животом вниз.

– Видишь эти пятна на задней поверхности шеи? Вот, нашел отдельный снимок.

Лиза задумчиво прищурилась.

– Как будто бы синяки. Качество фотографии не позволяет сказать наверняка.

– Хорошее качество для тех времен. Да, это синяки. Ее держали за шею.

Ориентируясь на расположение пятен на фотографии, Лиза положила пальцы себе на бедро и сжала.

– Да, ты прав. Что они пишут об этом в деле?

– Ничего не пишут. Хотя, может, и писали. Там вымараны целые фрагменты. И страницы вырваны.

– Все-таки всему этому может быть какое-то удовлетворительное объяснение. Например, синяки она могла получить до утопления.

Илия передал ей следующий снимок – лицо крупно. На черно-белой фотографии ссадины на лице утопленницы походили на мазки грязи.

– Нос сломан, царапины. Со сломанным носом она бы точно не решила прогуляться с подружкой и выпить пива.

Лиза выглядела потрясенной.

– Как они могли спустить такое? Может быть, у них был другой подозреваемый?

– Если и был, они забыли его упомянуть.

– Сколько лет прошло с инцидента?

– Тридцать семь. Девочкам было по четырнадцать лет.

– То есть наша вероятная убийца почти наверняка жива... Знаешь, мы могли бы просто расспросить ее.

– Ты серьезно?

– Ну а что? – Лиза склонила голову набок. – Я не смогу перестать об этом думать, пока не разберусь, что произошло. А ты?

– Я тоже, – сознался Илия. – Но ты же понимаешь, какими последствиями может быть чревато наше любопытство?

– А кто кого сдаст? Ты меня или я тебя? – Лиза насмешливо посмотрела ему в глаза.

На это Илию было нечего возразить.

– Где этот Риндарин?

– Часов шесть на машине.

– Ты водишь?

– Да. У меня нет машины. Но я могу попросить машину у матери, – язык Илию принимал решения сам, не советуясь со здравым смыслом.

– Вот видишь, как все просто. Завтра суббота, выходной. Мы могли бы встретиться, например, в семь утра, и отправиться в путь. Только не забудь захватить папку с делом, уходя сегодня с работы. Сунь сзади за пояс джинсов и опусти футболку. Никто и не заметит. Даже если нам не удастся разобраться, у нас получится интересное приключение, – глаза Лизы наполнились таинственным блеском. – Представляешь, целые выходные. Ты и я.

Она потянулась к нему, будто собираясь поцеловать. Когда Лиза наклонилась, горловина благопристойной шелковой кофточки, закрывающей тело до самых ключиц, опала вниз, и Илия увидел темную зовущую ложбинку между грудями и край лилового кружевного лифчика. Во рту пересохло. Разум Илию продолжал вяло искать аргументы против их сумасбродной затеи, но он уже и сам понимал, что согласится. Если бы Лиза позвала его тушить лесной пожар, он бы сразу побежал. Если бы предложила составить ей компанию в чистке выгребной ямы, он был бы очень воодушевлен. Он просто хотел провести время с Лизой – неважно, где и чем занимаясь.

– Скажи мне, где тебя забрать.

– Только не у моего дома. Отец вызверится, если увидит, что я уезжаю с парнем. Неподалеку есть одно кафе...

Она написала адрес на листочке и, свернув вдвое, сунула в карман его джинсов. Ее пальцы словно обожгли кожу сквозь ткань.

Илия смотрел, как она удаляется, переставляя красивые стройные ножки, и очень надеялся, что в течение выходных не поставит себя в глупое положение, находясь рядом с девушкой, от которой у него штаны дымятся.

Илия так боялся опоздать, что приехал на полчаса раньше, но Лиза уже ждала его возле кафе «Стрекоза». Она была одета в зеленое платье с одуванчиками – гораздо более короткое, чем те, что она обычно носила на работе. Илия зачарованно уставился на ее гладкие, как яичная скорлупа, колени.

– Привет, – широко улыбнулась Лиза, падая на переднее сиденье и забрасывая на заднее объемистый пакет.

– У тебя столько вещей.

– Там в основном подгузники.

Илия подвис на секунду и затем улыбнулся:

– У тебя проблемы?

– Да. У меня проблемы. С отцом, – серьезно ответила Лиза. – Он немного помешан на контроле надо мной. То есть много помешан. Чтобы уехать с тобой, мне пришлось соврать ему, что моя подруга недавно родила, а ее муж уезжает на выходные к матери, у которой случился удар. Так что я типа как отправилась помогать с младенцем. А то после родов она еле ходит.

– Подгузники для достоверности?

– Родители считают, что неприлично ехать к матери новорожденного без подгузников. Конечно, я не хотела тащить с собой здоровенный пакет, но вся семья вывалилась меня проводить, так что пришлось. Хорошо хоть, от проводов до станции отбилась. Ничего, в понедельник я оттащу подгузники обратно в магазин и выменяю на детские крема. Они хорошо увлажняют кожу. Да, кстати, мне придется звонить папе каждый вечер в одиннадцать, чтобы рассказать, как у меня прошел день. И при этом он все равно вытребовал номер телефона.

– И чей номер телефона ты ему дала? – Илия надавил на педаль газа.

– Моей другой подруги. Она существует, в отличие от первой, но сейчас в отъезде со своим парнем. Пусть звонит в пустую квартиру хоть целый день, если ему вздумается. Потом скажу, что гуляли с коляской. Хотя, он, наверное, не будет. Я сказала, что телефон может разбудить ребенка.

Илия был поражен, что Лиза выстроила такую детальную ложь только для того, чтобы уехать с коллегой на пару дней.

Они проезжали тихие дома, закрытые магазинчики. Утро субботы – город благостно спал. Уже становилось жарко, но во время движения их охлаждал приятный ветерок.

– Не возражаешь, если я сниму босоножки?

– Если тебе так удобнее.

Ее стопы, казалось, были не длиннее, чем кисть его руки. Илия подавил в себе желание приложить ладонь и сравнить. И никакого педикюра. Просто короткие розовые ноготки. Он задумался, может ли «случайно» коснуться ее, потянувшись к рычагу переключения передач. Потом бросил взгляд на Лизу, с детским любопытством глазающую в окно, и устыдился. «Успокойся, – сказал он себе. – Веди себя прилично». Рядом с Лизой он чувствовал себя многоопытным, и это смущало. Точно она бедный птенец, к которому он тянет когтистую лапу.

Он подождал, пропуская отчаянно зевающего пешехода на перекрестке, и спросил:

– Ты часто лжешь?

Лиза задумалась.

– Наверное. Я вру, если хочу получить что-то, чего не удастся получить прямым путем. Вот как с отцом. А тебе приходится с твоими родителями?

– С моими родителями проще. Если я прошу, они дают, не наседая с вопросами. Хотя я стараюсь часто не просить.

– Везет тебе. Хотя папенькой я в итоге все равно кручу как мне вздумается. Мама говорит, если бы я решила стать мошенницей, я бы сделала большие деньги. У меня очень подходящая внешность, чтобы обманывать людей.

Илия покосился на ее наивное личико и согласился.

– Еще я лгу, когда чувствую опасность. У меня был один знакомый. Он пытался подбивать ко мне клинья, но я не могла перестать врать ему даже в совершенных мелочах. И это меня настораживало. А потом он начал встречаться с моей подругой, через неделю приревновал ее по пустячному поводу и выбил ей два зуба.

– Ужас, – Илия снова остановил машину, пронзительно сигналив сидящей посреди дороги собаке. Собака тридцать секунд флегматично пялилась на него, а потом все-таки отошла. Илия кинул взгляд на свою спутницу. Она хмурилась собственным мыслям, отчего на ее переносице собрались тонкие морщинки. Он получал удовольствие просто от того, что смотрит на Лизу. Конфетка для глаз.

– Когда мне было шесть, – задумчиво начала Лиза, – я собирала маленькие игрушки в виде детенышей животных. Они продавались в разноцветных пластиковых яйцах. Никогда не знаешь, какой попадется. Я хотела собрать всю коллекцию. Тратила все карманные деньги, но мне все равно не хватало. И я начала ходить на автобусную остановку. Я говорила людям, что по ошибке села на автобус не в ту сторону, а теперь у меня нет денег, чтобы доехать до дома. Мне давали денег на билет или даже больше, и я покупала на них яйца. Однажды ко мне подошел странный человек и пообещал, что даст и на билет, и на мороженое, и на игрушки, потому что он добрый и щедрый, но для этого мне надо пойти к нему домой, потому что кошелек он оставил там. Я согласилась. По дороге я начала что-то подозревать, мне стало страшно. Я остановилась и сказала, что тут неподалеку живет одна моя подруга и, если он пообещает и ей дать на мороженое, я приведу ее. Он обрадовался и согласился. Тогда я сказала, что она ни за что мне не поверит, пока я не покажу деньги, и попросила у него двадцатку. Он пошарил в кармане, притворился, что нашел заваливавшуюся купюру, и дал мне двадцать ровенов. Я ушла от него и купила много разноцветных яиц. И собрала коллекцию. Не слишком поучительное завершение истории. Я жалею только об одном: на того типа стоило натравить полицию. Но в тот день мне не пришлось в голову, что он может быть опасен и для других детей.

– Ты была поразительно ушлая маленькая девочка.

– Видишь, какие факты я выкладываю о себе, – рассмеялась Лиза. – Даже то, о чем лучше бы молчать. Ты действуешь на меня расслабляюще.

От ее признания в животе Илиии разлилось щекочущее тепло.

– А если тебе понадобится что-то у меня выманить? – пошутил он.

– О, я уверена, что ты и сам согласишься дать мне что угодно, если я только попрошу, – заявила Лиза, и Илия рассмеялся.

Спустя час они уже покинули пределы Торикина, и теперь по сторонам чередовались поля и леса. Наверное, им бы стоило обсуждать расследование. Но они забылись и просто болтали. Илиии уже не казалось странным, что они вдруг вместе рванули куда-то. Скорее, его удивляло, что они не сделали этого раньше. С Лизой оказалось поразительно легко. Илия знал, что его считают открытым общительным парнем, но на деле это было не так. Он легко вступал в разговоры с людьми, но редко чувствовал, что вовлечен эмоционально. Будто под самой поверхностью прозрачного чистенького озерца его души лежал слой толстого стекла, не пускающий на глубину. С Лизой же его обычное ощущение закрытости пропало.

Они обсудили детство.

– Ты всегда был такой хороший мальчик? Это ужасно. Мне бы хотелось отшлепать тебя по попе.

– Тебе бы я разрешил.

Обсудили, как попали в СЛ. Лиза была дочерью подруги какой-то знакомой Медведя.

– Меня попросили помочь пару летних месяцев, пока искали замену предыдущей секретарше, которая внезапно выскочила замуж и решила заняться семьей. Пара месяцев несколько затянулась, я даже перевелась в университете на вечернее отделение. Хотя не жалею об этом. Столько интересных объектов для изучения, и можно читать чужую переписку.

– Ты читаешь письма Медведя?

– Когда есть возможность. И подслушиваю его телефонные разговоры. В СЛ жизнь кипит. Но неделю назад я получила диплом и, думаю, в августе с «Лисой» пора заканчивать.

Илия проглотил горький ком от мысли, что скоро они не будут работать вместе.

– Кто ты по специальности?

– Журналист. Не знаю, зачем я пошла на это. Скучнейшая профессия в нашей стране. Родись я в Роане... Вот бы я развернулась...

– О чем бы ты писала?

– Секс и криминал.

– Неожиданный ответ.

– Все нет, – Лиза хитро улыбнулась. – С другой стороны, в Роане я бы не встретила тебя, – добавила она, и Илию омыло теплой волной.

Обсудили Медведя.

– Один раз я перепила и на следующий день прогуляла работу, сказавшись больной. Так он весь день звонил и допытывался, чем я болею, как себя чувствую и нужны ли мне лекарства. Он иногда ведет себя как этакий папуля. Это бесит. Мне и одного достаточно.

Обсудили других коллег.

– Делеф странный. Когда он смотрит на меня своими синющими глазами, мне кажется, я сквозь них вижу ком льда у него в голове, – устраиваясь поудобнее, Лиза подтянула ступни к краю сиденья, при этом подол ее платья сполз вниз, открывая бедра.

«Ты хочешь устроить аварию?» – мысленно простонал Илия, но вслух сказал другое:

– Вот кто меня вымораживает, так это Дьобулус. Он скользкий. Сколько ему лет вообще?

– Мы не общались, но уверена, я бы отлично с ним поладила.

– Как ты можешь это знать, если ты с ним не общалась?

– Люди выбирают тех, кто им подходит, интуитивно. Слова здесь не нужны.

Илия не стал спорить, но остался при мнении, что Дьобулус Лизе не по зубам. Какая же белая у нее кожа, как масло... Илия сделал вид, что смотрит на дорогу очень внимательно, хотя, кроме пустынного шоссе и елок, там смотреть было не на что.

– Сколько у тебя было девушек? – спросила Лиза.

Вопрос стукнул его в висок, как резиновый мяч-попрыгун.

– Что?

– Со сколькими ты встречался? Спал? – спокойно уточнила она и обратила на него кристально-чистый взгляд. В самом деле, подобные вопросы не запрещались уголовным кодексом, так чего бы и не спросить?

– Я ни с кем не встречался. И спал только с одной. И только один раз.

– Как это произошло?

Она пошевелилась. Подол ее платья скользнул еще ниже. Илия задумался, можно ли данную степень обнажения считать неуместной, но Лиза, казалось, не обращала внимания. Он поерзал.

– У одной моей знакомой был день рождения. Она собрала гостей в загородном доме родителей. Все довольно много пили. Я тоже. Там было много свободных комнат, – Илия помедлил. – Она была девушкой моего хорошего друга.

Лиза огорошила его своим вопросом. Наверное, он хотел шокировать ее в ответ. Но вместо этого она явно заинтересовалась.

– И что дальше?

– Неделю я терзался, пытаюсь решить, признаться ему или нет. С одной стороны, мы его предали, и ему следовало знать об этом. С другой стороны, он был счастлив со своей девушкой, они собирались пожениться. В итоге я все-таки сознался. Тогда он похлопал меня по плечу, сказал, что давно знает обо всем от девушки и что он не расстроился из-за ее измены, потому что я и он близкие друзья. Он выглядел даже довольным и, казалось, не против продолжения. Больше я не общался ни с одним из них. Вскоре они пригласили меня на свадьбу. Я не пошел.

Лиза рассмеялась.

– Я рада, что они не стали заморачиваться.

Илия никому не рассказывал об этой истории, хотя вспоминал ее чаще, чем хотелось бы. По его мнению, все трое выглядели в ней неприятно и странно, и это его мучило. Но видя, как Лиза сверкает зубами, он вдруг понял, что ему не стоило воспринимать произошедшее столь серьезно, и неожиданно для себя рассмеялся. И поведение той парочки, и то, что он едет в машине с секретаршей своего начальника, демонстрирующей голубые трусики с серым котенком спереди, уже не казалось чем-то из ряда вон. Ему захотелось протянуть руку и погладить котенка.

– Когда это было?

– Почти три года назад.

– Три года? И ты больше ни с кем? – Лиза посмотрела на него расширенными от удивления глазами. – Почему? Ты такой симпатичный парень.

– Я знаю, – машинально согласился Илия, стараясь не глядеть на котенка слишком в открытую. – Моя мама каждый день говорит мне об этом.

Лиза рассмеялась.

– Тогда почему?

– Потому что... – он замялся, не зная, как описать голодное, полное надежды выражение, которое он замечал в глазах девушек. – Как только я сближался с кем-то, от меня сразу начинали хотеть чего-то серьезного: будущего, семьи. Поэтому я останавливался раньше, чем у меня доходило с ними до постели. Иначе это бы выглядело, будто я отношусь к ним серьезнее, чем на самом деле. Я просто не хотел жениться на первой же девушке, с которой начал встречаться.

– Не могу решить, то ли ты милый, то ли глупый, – нежно сказала Лиза. Она потянулась к нему, но на полпути передумала. – Не все отношения приводят к браку, знаешь ли. Люди встречаются и расходятся. Обычное дело.

– Мои родители ни с кем не встречались друг до друга.

– Мои тоже, – Лиза пожала плечами. Как ему показалось, довольно неодобрительно.

– Может быть, я параноик, – согласился Илия. – Мне двадцать два. Я всего год как съехал от родителей. Я чувствую себя свободным и не хочу что-то менять. А что у тебя? – спросил он, раз уж она начала первая. – Сколько у тебя было парней?

– Незадолго до моего восемнадцатилетия, празднуя завершение первого курса, я на неделю уехала с подругами к морю. Это была моя первая дальняя поездка без родителей. Отец сделал все, чтобы не пустить меня. Может, он был и прав. Потому что в первую же ночь на свободе я потеряла девственность с двумя парнями. Они не говорили по-ровенски, а я – на их языке, но не то чтобы мы были заинтересованы в разговорах. Было страшно весело, – Лиза спокойно поставила ноги на приборную панель, открывая своего котенка практически полностью.

Слушая ее, Илия ушам своим не верил, но Лиза оставалась буднично-спокойной.

– Потом я встречалась с одним, другим, было несколько экспериментов. Всего семь-восемь мужчин, я точно не помню. Проблема в том, что, кроме физического сближения, больше мне ничего от них не хотелось. Секс казался чем-то экстраординарным и интересным. Но когда эффект новизны иссяк, я обнаружила, что мне скучно до смерти. Поэтому я устроила длительный перерыв. На этот раз я согласна только на что-то особенное. Случайные связи

меня больше не интересуют. Мне нужен человек, с которым у меня будет химия. Чтобы даже простое прикосновение ощущалось, как удар молнии. Представляешь? Одно прикосновение.

Как бы поясняя свои слова, она провела ладонью снизу-вверх по бедру Илии, ближе к внутренней стороне, и он явственно ощутил, как от ее маленькой ручки пробежал разряд. Волосы у него не встали дыбом, как в комиксах у людей, схватившихся за кабель. Зато член поднялся мгновенно. Лиза все еще не убирала руку. Ее пальцы были совсем близко от его промежности. Если она случайно заденет... или посмотрит... Илия почувствовал, как лицо заливает жаром.

Но Лиза не посмотрела. Просто убрала руку к себе на колени, рассматривая елки за окном с таким пристальным вниманием, будто среди них мелькнул транспарант с ее именем.

– Можешь считать меня шлюхой, мне все равно, – сказала она, все еще не глядя на него.

– Я никого не считаю шлюхой, – возразил Илия.

– Мои родители уверены, что я девственница.

Илиа не стал ей говорить, что тоже был в этом уверен. На самом деле, он сейчас понимал, что ее оказавшаяся фальшивой невинность была как раз той причиной, по которой он до сих пор не пытался с ней сблизиться. Он знал, что он хороший смирный мальчик, и был уверен, что она такая же хорошая девочка. Он мог предположить, что у них получатся ровные, правильные отношения. Благополучные, как у фальшивых семей в рекламе соков и майонезов по телевизору. И весь его энтузиазм иссякал. Сейчас он понимал, как ошибся в оценке ее личности. В сущности, все его догадки оказались ложны.

Все еще терзаемый неуместным стояком, Илиа в попытке успокоиться начал вспоминать наиболее отвратительные фотографии из своего кабинета. Через несколько минут он осознал, что думает о распотрошенных трупах и у него полная эрекция. Какая неловкая ситуация.

– Что ты так тяжело вздыхаешь? – Лиза наконец отвлеклась от елок.

– Ничего.

– Ты не считаешь, что это невероятно тоскливо, – действительно быть такими, как считают наши родители?

– Сомневаюсь, что мои родители так уж идеализуют меня. Хотя и вряд ли предполагают, что я способен по пьяни трахнуть девушку друга, даже если она сама на меня вешалась.

– Я знаю, что в конечном итоге я стану подобием моей матери, – задумчиво теребя сережку, продолжила Лиза. – Буду преданной женой, научусь хорошо готовить, у меня будут хорошо воспитанные дети, которые меня обожают. Это неизбежно. Это то, как меня воспитали и для чего. Но я не хочу быть такой, какой была моя мама в моем возрасте. Я хочу, чтобы между невинной девушкой и идеальной женой было что-то еще. Что позволит мне помнить, что я сложнее и непредсказуемее, чем просто хорошенькая женщина, которая всем нравится. Ты меня понимаешь? Ты же точно такой же. Симпатичный мальчик, всегда аккуратный, всегда вежливый и дружелюбный. Из приличной семьи. Мило. Стерильно.

– Кажется, я уловил, что ты пытаешься сказать, – медленно произнес Илиа, пытаясь вспомнить, когда, кроме распушенного эпизода в загородном доме, он вел себя плохо. Вспомнился только случай в переполненном автобусе, когда пожилая женщина отдала ему ногу, ударила его сумкой, заявила, что он очень наглый молодой человек, который занимает слишком много места, и тогда он сказал ей: «Заткнитесь». – Иногда у меня возникает ощущение, как будто в моей жизни все слишком хорошо, не по-настоящему как-то. Не так, как должно быть.

– Ты поэтому хочешь стать уполномоченным и отправиться непосредственно на места преступлений? Столкнуться с грязью? Принять вызов?

– Для начала я хочу разобраться, чем «Серебряная Лисица» вообще занимается. В любом случае веки вечные сидеть в подвале над бумажками я не согласен. Я хочу делать что-то практическое, то, что имеет значение.

– Что ты имеешь в виду под значением?

– Что-то важное. Влияющее на жизнь людей.

– Почему это так необходимо для тебя – делать что-то значительное? Большинство людей просто ходят себе на обычную работу – и все.

– Не знаю. Может, я хочу придать вес собственному существованию. Иногда мне кажется, что я такой легкий и пустой, что улечу с одного щелчка, как воздушный шар.

Лиза серьезно посмотрела на него.

– Это неправда. Ты себя недооцениваешь.

– Чтобы ценить себя больше, я должен сначала приложить массу усилий. Мне не нравится ситуация, в которой я нахожусь. Я должен подняться из подвала в прямом и переносном смысле слова.

– Знаешь, тебе вовсе не обязательно стараться изо всех сил, чтобы найти свое место в этом мире. У тебя есть право просто быть тем, кто ты есть.

Илия сам не понял, что в ее словах вызвало ощущение вонзающейся занозы. Его ладони дрогнули на руле, а голос вдруг взвился, становясь резким и злым:

– Ни у кого нет права быть теми, кто они есть. Люди слабы и полны дерьма. Все должны стараться. Никто не полюбит тебя, пока ты не заставишь себя стать лучше себя самого. Даже те, кто должен был, – он осекся, прежде чем выплюнул еще более грубые и странные слова.

– Я не хотела тебя обидеть, – удивленно сказала Лиза и положила ладонь на его предплечье.

В следующий момент болезненное, раздраженное чувство в груди угасло, как вспыхнувшая среди темноты и быстро обуглившаяся спичка. Он хотел было извиниться, но понял, что она этого от него не ждет. Под ее мягким прикосновением блаженствовали все его сенсорные рецепторы. Илия вдохнул и медленно выдохнул, сам не понимая, что на него нашло.

– Об одном мы не подумали, – перевел он тему разговора, все еще чувствуя стыд и смущение после вспышки. – Вот найдем мы эту убийцу и попытаемся с ней поговорить. С чего бы ей соглашаться на расспросы какой-то наглой парочки?

Он много о чем не подумал. Например, о том, что соблазн уложить Лизу в ближайшем подсолнуховом поле будет тяготить его гораздо больше, чем тайны СЛ.

– Мы что-нибудь придумаем, – отмахнулась Лиза. – А может, просто припереть ее к стенке? Бросить факты в лицо?

– Да? Ты намерена надавить на нее? Какое у тебя право делать это? Не забывай, с точки зрения закона она чиста, и все-таки не исключена вероятность, что и фактически. Кроме того, даже если бы у нас были стопроцентные доказательства ее вины, сделать что-либо с ней невозможно, потому что она не подлежит наказанию за давностью дела и, уверен, прекрасно это знает. А если она еще и в полицию пожалуется на угрозы? Мы закопаем сами себя. Нет, лучше действовать гибче, мягче. Расспросить ее о смерти девочки, не переключая в осадное настроение. Но кем мы должны быть, чтобы нам было позволено задавать подобные вопросы? Журналистами?

– «Здравствуйте, мы пишем статью об убийцах, избежавших наказания. Не дадите интервью?» – фыркнула Лиза.

– Родственниками жертвы?

– «Не вы ли убили нашу горячо любимую девочку?»

– Тогда я не знаю. Закопать под полицию без формы у нас не получится.

– Расслабься, мы решим эту проблему. Ответы мы как-нибудь вытянем. Другой вопрос, как мы пойдем, говорит ли она правду.

– Если она солжет, думаю, я это почувствую, – медленно сказал Илия.

– Считаешь, легко распознать вранье? Ничего подобного. Поверь мне, я опытная лгунья. Иногда мне удается провести даже собственную мать.

– Мне кажется, я смогу уловить, – неуверенно возразил Илия. – Считаю это моим персональным даром. Или хорошо развитой интуицией. Но обычно я замечаю неискренность.

– Мы можем провести тест. Попробуй поймай на лжи меня.

– Для этого мне нужно видеть твое лицо, а я за рулем.

– Но у нас же будет остановка?

– Хорошо. В одиннадцать.

Ровно в 11.00 Илия остановил машину на обочине. Они расстелили на траве синее клетчатое одеяло и начали распаковывать провиант.

– Я сделал нам запеченные бутерброды и холодный фруктовый чай. Он в термосе.

– С тобой прям жить можно. А я просто купила печенье в магазине.

Место, хоть и выбранное случайно, оказалось идеальным, чтобы расслабиться на полчаса. Дальше лес уплотнялся и темнел, но здесь, на поляне, отгороженной от дороги полосой кустов и березами, было солнечно, густо росли цветы и трава.

Утолив голод, Илия вытянулся на траве, давая отдых уставшему от сидения за рулем телу. Лиза прилегла рядом. Только руку протяни. Может быть, он бы так и сделал, если бы был уверен, что своим развязным поведением и разговорами о сексе она дала ему намек. Но Лиза смотрела невинно, как младенец. Как будто ей и в голову не приходило, что ее голые бедра полдня не дают покоя его бедному пенису.

– Тест? – напомнила Лиза.

– Сядем напротив друг друга.

Она села, подогнув ноги и положив ладони на колени. Вид у нее был лукавый.

– Итак, я сообщаю факт о своей жизни. Ты угадываешь, правда это или нет.

– Хорошо.

Она была такая хорошенькая. Когда он смотрел в ее глаза, он начинал краснеть.

– Я обожаю розовый цвет.

– Неправда.

– Я ненавижу пауков, змей и крыс.

– Неправда.

– Я люблю покупать нижнее белье.

– Правда.

– Мне нравятся фильмы ужасов.

– Неправда.

– Когда мне было двенадцать, я осталась ночевать у подруги и попыталась склонить ее к лесбийскому сексу.

– Правда. Почему я уже не удивлен?

– В университете я съела пчелу на спор.

Илия дернулся.

– Я надеюсь, неправда. Ты знаешь, что это смертельно опасно? Если бы она укусила тебя в гортань, ты бы умерла от удушья.

– Да, впоследствии я осознала, что это было безрассудно с моей стороны... Но чего сожалеть об уже совершенном? В пятнадцать я тайком взяла папину машину и случайно разбила ее, а потом сказала, что не знаю, кто это сделал.

– Неправда? Или правда? Я не могу понять.

– Ладно, сознаюсь. Машину взяла я, но разбил мой приятель. И я действительно потом сказала отцу, что не знаю. А ты на самом деле неплох. Это что же, мне тебя не одурачить?

– Ты всегда можешь одурачить меня по телефону.

– Хорошо. Я учту, – Лиза потерла плечо и поморщилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.